

Линн Каллен
Миссис По

Москва
АСТ

Эта книга является плодом художественного вымысла. События, исторические персонажи и географические объекты упомянуты автором в произвольном контексте. Остальные имена, личности, места и происшествия выдуманы, любые совпадения с реальными событиями, местами и людьми, живыми или умершими, случайны.

Я впервые встретила с поэтом в «Астор-хаузе»¹... Его красивая голова была гордо поднята, темные глаза сияли свойственным лишь избранным светом чувств и мыслей, его манеры и выражение лица являли собой экстравагантную, неповторимую смесь приятности и высокомерия, когда он спокойно, серьезно, почти холодно меня поприветствовал; однако в нем была такая искренность, что я поневоле была глубоко впечатлена. С тех самых пор и до самой его смерти мы были друзьями. Я состояла с мистером По в переписке по настоятельной просьбе его супруги, которая полагала, что я оказываю на него сдерживающее и благотворное влияние.

*Френсис Сарджент Осгуд*²,
письмо к Р. У. Гризвольду³, 1850

¹ *Astor House* — роскошный отель в Нью-Йорке; был открыт в 1836 году и вскоре стал самой знаменитой гостиницей в США (здесь и далее — прим. пер.).

² *Френсис Сарджент Осгуд* (1811—1850) — американская поэтесса и писательница.

³ *Преподобный Гризвольд, Руфус Уилмот* (1815—1857) — американский писатель, журналист и составитель ряда антологий американской литературы. Был рукоположен в сан баптистского священника, но так никогда и не получил постоянного прихода.

Миссис Осгуд где-то среднего роста, стройна, скорее даже хрупка, и изящна, независимо от того, в движении она или в покое; ее лицо обычно бледно, волосы — очень черные и блестящие; глаза — ясные, светло-серые, большие, необычайно выразительные. Ее никак нельзя назвать красивой в том смысле, в котором понимает этот эпитет мир, но вопрос «Неужели она и впрямь не красавица?» встает очень часто, и чаще всего его задают те, кто ближе всего знаком с миссис Осгуд.

Эдгар Аллан По, «Литераторы Нью-Йорка» № 5,
«Гудис Ледис Бук»¹, сентябрь 1846

¹ *Godey's Lady's Book* — ежемесячный литературный альманах, издававшийся в Филадельфии в середине XIX века.

Зима 1845

1

Когда приходят дурные вести, большинство женщин моего общественного положения могут позволить себе изящно упасть на диван; чашки китайского фарфора выскальзывают из их пальцев на ковер, волосы красиво выбиваются из-под шпилек, а четырнадцать накрахмаленных нижних юбок сминаются, издав мягкий хруст. Я не из таких. Леди, муж которой чересчур занят тем, что пишет портреты богатых меценатов — большинство из которых, так уж случилось, женщины, — и поэтому забывает, что у него есть семья, имеет больше общего с девицами, рыскающими по грязным улочкам Корлеас Хука¹, чтобы помочь морячкам расстаться с их долларами, чем с дамами своего круга, пусть даже моя внешность говорит об обратном.

Как ужаленная осой лошадь, эта мысль взбрыкнула у меня в голове во второй половине дня в редакции «Нью-Йорк Ивнинг Миррор». Я как раз слушала анекдот о двух тупых

¹ *Corlear's Hook*, или *Нижний Ист-Сайд*, — район Манхэттена, долгое время был заселен преимущественно иммигрантами.

Линн Каллен

уроженцах Индианы, который рассказывал редактор, мистер Джордж Поуп Моррис¹. Очевидно, он тянул время, не желая сообщать мне новости, которые, я знала, будут плохими. Но я все равно радостно смеялась над детским анекдотом, смеялась, даже задыхаясь от миазмов, испускаемых его чрезмерно напомаженными волосами, открытой баночкой клея на столе и стоящей слева от меня клеткой попугая, нуждавшейся в срочной чистке. Я надеялась умаслить его, как проститутка умасливает потенциальных клиентов, приподняв краешек юбки.

Я нанесла удар, когда мистер Моррис все еще хихикал над собственным анекдотом. Продемонстрировав зубы, особенно тщательно вычищенные перед тем, как встретиться с издателем после двадцати двух дней обоюдного молчания, я сказала:

— По поводу стихов, которые я послала вам в январе...— И замолчала, с надеждой расширив глаза: это мой эквивалент приподнятой нижней юбки. Раз уж я должна стать независимой, мне нужен собственный доход.

Ни один морячок, рассматривающий пару ножек, не выглядел так подозрительно, как мистер Джордж Поуп Моррис в этот миг, хотя некоторым из них и удалось добиться таких же успехов по части туалета, например укладки волос. Никогда доселе столь величественная клумба кудрей не создавалась на человеческой голове без помощи подкладок и валиков. Это выглядело так, словно он использовал в качестве лекал для прически собственный цилиндр. Вдобавок, умышленно или случайно, один крупный завиток

¹ *Джордж Поуп Моррис* (1802–1864) — американский редактор, поэт и автор песен.

отбился от общей массы и свисал теперь на лоб, как студенистый рыболовный крючок.

— Может быть, вы потеряли их? — легко спросила я. Возможно, ему будет проще возложить вину на своего партнера.— Или это сделал мистер Уиллис ¹?

Его взгляд скользнул вниз, к моему бюсту, не обнаружил там ничего, кроме плаща, и разочарованно вновь переместился на лицо.

— Сожалею, миссис Осгуд, но, честно говоря, это не то, что нам нужно.

— Уверена, ваши читательницы получают истинное наслаждение от намеков на любовные отношения в моих описаниях цветов. Мистер Руфус Гризвольд был так добр, что включил несколько моих стихов в свою последнюю антологию. Возможно, вы слышали об этом?

— Мне известны антологии Гризвольда. Они всем известны — он добился этого. Никогда не мог понять, как этот мелкий забияка умудрился стать таким авторитетом в поэзии.

— Угрожая смертью?

Мистер Уиллис рассмеялся и погрозил мне пальцем:

— Миссис Осгуд!

Быстро, чтоб не упустить его, я сказала:

— Моя книга, которую издал мистер Харпер, «Поэзия цветов и цветы поэзии», неплохо продавалась.

— Когда это было? — рассеянно спросил он.

— Два года назад.— Не два, а четыре на самом деле.

¹ *Натаниэль Паркер Уиллис* (1806—1867) — американский писатель, поэт и редактор, самый высокооплачиваемый журналист своего времени.

Линн Каллен

— Так я и думал. Цветы — это не то, что нынче продается. Сейчас всех интересуют вызывающие трепет истории. Мрачные, полные ужасов.

— Вроде птичьих стихов мистера По?

Он кивнул, и его напояженный завиток подпрыгнул.

— На самом деле, да. Продажи возросли, когда в конце января был выпущен «Ворон». На прошлой неделе мы переиздали его с таким же результатом. Подозреваю, его можно будет издать еще раз десять, а читателям все будет мало. Они просто с ума сходят по «Ворону».

— Понимаю.

В действительности, я не понимала. Да, я читала это стихотворение. После того как в прошлом месяце оно появилось в печати, его прочел весь Нью-Йорк, включая немца, продающего газеты в Виллидж. Не далее как сегодня утром, когда я спросила, бывают ли у него свежие номера «Миррор», он усмехнулся и с акцентом ответил:

— Никогда!

Моя лучшая подруга, миссис Джон Рассел Бартлетт, входящая в тесный кружок нью-йоркских литераторов благодаря супругу, книготорговцу и издателю, выпускающему книги малыми тиражами, никак не могла угомониться насчет мистера По. Она нацелилась на знакомство с ним с тех самых пор, как «Ворон» увидел свет. По совести сказать, я думала, что сегодня утром в редакции я смогу составить собственное представление об этом удивительном господине, который является редактором и автором статей в «Миррор».

Мистер Моррис словно бы прочел мои мысли.

— Судя по всему, наш дорогой мистер По почувал свой успех и теперь грозит оставить журнал. Куда бы он ни по-

дался, желаю удачи тем, кому придется иметь с ним дело. С ним и с его настроением.

— У него настолько скверный характер? — Я все еще надеялась умастить мистера Морриса. Хорошо бы он проникся ко мне дружескими чувствами и, вследствие этого, пошел навстречу.

Мистер Моррис сделал вид, что опрокидывает в рот несуществующий стакан.

— О! — Я изобразила на лице заговорщическую гримасу.

— Он на самом деле очень неуравновешенный, знаете ли. Подозреваю, что он более чем наполовину безумен, и дело тут не только в выпивке.

— Какой стыд.

Он улыбнулся.

— Послушайте, миссис Остуд, вы же умная женщина. Ваш сборник детских историй имел какой-никакой успех. Моим малышам, к примеру, нравится «Кот в сапогах». Почему бы вам не вернуться к этому?

Настоящая причина — деньги, но я не могу сказать ему об этом. Детские рассказы плохо оплачиваются.

— Я почувствовала, что мне нужно расширить сферу писательских интересов, — сказала я. — Мне о многом хочется сказать. — И это тоже правда. Почему женщина должна писать только детские сказочки?

Он усмехнулся:

— Например, о том, как подобрать по цветам розы для букета или как украсить дом к Рождеству?

Я рассмеялась, как рассмеялась бы в подобной ситуации шлюха. Все еще улыбаясь, я сказала:

— Думаю, вы удивитесь, узнав, на что я способна.

Линн Каллен

Попугай издал пронзительный крик. Мистер Моррис скормил птице извлеченный из кармана крекер и вытер руки о панталоны. Его взгляд пробежал по привычному маршруту — от моих глаз к бюсту и обратно. Я заставила себя сохранить жизнерадостный вид, хотя так и хотелось шлепнуть его по лбу, чтоб отлетел одинокий локон.

Он нахмурился.

— Конечно, красивые женщины вроде вас не должны забивать свои хорошенькие головки подобными вещами, но вдруг у вас есть нечто вроде «Ворона»? Что-то столь же свежее и волнующее, но с женской точки зрения?

— Вы имеете в виду, что-то мрачное?

— Да,— сказал он, воодушевляясь своей идеей,— да. Именно так — мрачное. Очень мрачное. Думаю, на это будет спрос. Мрачные, пугающие истории для дам.

— Значит, вам нужна некая миссис По?

— Ха! Вот именно. Это ваш счастливый билет.

— А мне будут платить столько же, сколько мистеру По? — нахально спросила я. Отчаянные времена требуют решительных действий.

Он подчеркнул неуместность моего вопроса длинной паузой.

— С тех пор как мистер По вошел в штат, я ничего ему не платил. Думаю, такие условия вам не понравятся.

Даже завидуя успехам мистера По, я не могла не посочувствовать ему. Хотя, возможно, он достаточно состоятельный человек, как Лонгфелло ¹ или Брайант ², и не нуждается ни в

¹ *Генри Уодсворт Лонгфелло* (1807—1882) — прославленный американский поэт. Его наиболее широко известным произведением является «Песнь о Гайавате».

² *Уильям Каллен Брайант* (1794—1878) — американский поэт-романтик, журналист, переводчик и редактор *New York Post*.

деньгах, ни в моем сострадании. И уж в любом случае, он не состоит в браке с распутным художником-портретистом.

Мистер Моррис проводил меня до двери.

— «Миррор» — популярный журнал, миссис Осгуд. Всякая заумная литература нас не интересует. Принесите мне что-нибудь свежее, увлекательное. И мрачное, такое, что заставило бы дам бояться задуть ночью свечу. Сделайте это, и я посмотрю, что смогу сделать для вас. Только не отворачивайтесь от нас, достигнув вершины, как это сделал мистер По.

— Не отвернусь,— обещаю я.

— По — злейший враг самому себе. Не успев подружиться с людьми, он превращает их в своих недоброжелателей.

— Интересно, отчего у него такой трудный характер?

Мистер Моррис пожал плечами:

— А отчего волки кусаются? Такими уж они уродились.— Он держал дверь открытой, впуская в помещение прохладный воздух.— Передавайте привет мистеру Осгуду.

— Спасибо,— сказала я,— передам.— Если он уже устал от своей нынешней пассии и вернулся домой.

* * *

Вскоре я оказалась на Нассау-стрит. Стоял теплый для февраля день, и поэтому на тротуаре было по щиколотку жидкой грязи. Туда-сюда сновали джентльмены, облаченные в застегнутые на все пуговицы пальто и в цилиндры. Они бросали в мою сторону любопытные взгляды, не понимая, то ли я леди, которую следует приветствовать, приподняв шляпу, то ли шлюха, которая забрела в их святая святых. Немногие женщины, независимо от их обществен-

Линн Каллен

ного положения, отваживаются пересечь границы делового центра Нью-Йорка, этого машинного отделения величайшей в мире фабрики по производству денег.

Сгибаясь под пронзительным ветром, неизменным атрибутом зимы в этом островном городе, я свернула за угол на Энн-стрит. Мимо прогрохотало ландо, разбрызгивая колесами талый снег. Через дорогу в отбросах рылась свинья, одна из тысяч свиней, которые бродили по улицам и в богатых, и в бедных районах. Влажный воздух был пропитан запахом дыма, поднимающегося из множества печных труб на крышах, вонью конского навоза, гниющего мусора и мочи. Говорят, моряки могут унюхать Нью-Йорк еще за шесть миль до берега. Не сомневаюсь, что так оно и есть.

Миновав два коротких квартала и дойдя по Энн-стрит до Американского музея Барнума ¹ с его афишами, рекламирующими фальшивки вроде няньки, ходившей в детстве за президентом Вашингтоном, и фиджийской русалки ², я добралась до расчищенного от снега Бродвея. Поток транспорта струился передо мной по оживленной магистрали, словно кто-то вскрыл кровеносный сосуд города, и тот истекал теперь всевозможными экипажами, бегущими по ухабистой мостовой. Тут было невозможно шумно. Стучали массивные копыта мохнатых тяжеловозов, тянувших по

¹ *Американский музей Барнума* — открытый в 1842 году известным шоуменом Барнумом развлекательный центр, включавший многочисленные аттракционы, зоопарк, музей, читальный зал, выставку восковых фигур, театр и т. п.

² *Фиджийская русалка* — подделка, представляющая собой туловище и голову небольшой обезьяны, пришитые к задней части туловища крупной рыбы и покрытые папье-маше, которую выдавали за мумию «русалки», которая якобы была наполовину млекопитающим и наполовину рыбой.

улице громыхающие повозки с бочками, скрипели влекомые лошадьми кареты, дребезжали наемные экипажи и омнибусы, из окон которых глядели многочисленные лица. Щелкали кнуты, кричали кучера, заливались лаем собаки. В довершение всего на балконе музея Барнума играл духовой оркестр. Не всякий рассудок способен такое вынести!

Подобрав юбки, я поспешила через дорогу, маневрируя в потоке транспорта, и, запыхавшись, очутилась возле отеля «Астор-хауз». Казалось, все шесть этажей этого облицованного цельным гранитом элегантного здания неодобрительно смотрят на меня, словно бы зная, что в дорогом ридикюле, висящем у меня на локте, всего пара центов.

Всего лишь месяц тому назад я была в числе его избалованных постояльцев, пользующихся привилегией принимать горячие ванны, наполненные водопроводной водой. А еще я могла наслаждаться чтением при свете газовых ламп и вкушать *table d'hote*¹ в обществе богатых красавцев. Когда мы переехали в Нью-Йорк из Лондона, Сэмюэл настоял, чтоб мы поселились в «Астор-хаузе» — чтобы произвести хорошее впечатление.

Если бы я знала, сколь плачевны наши финансы, я ни за что бы не согласилась на это. Но Сэмюэл думал, что я, дочь богатого бостонского негоцианта, жду от него тех же благ, к которым привыкла в отчем доме. Он так и не сумел забыть о нашем неравенстве, сколько бы я ни уверяла его, что его происхождение не имеет для меня никакого значения. Оно перестало что-либо значить в тот же миг, когда Сэмюэл Осгуд впервые меня поцеловал. Я могла бы жить даже в

¹ *Table d'hote* (*табльдом*) — общий стол (по общему меню) в гостиницах, курортных столовых, ресторанах.